

Алексей Макушинский

Об одном афоризме Новалиса

„Wir suchen überall das Unbedingte und finden immer nur Dinge.“ Так сказано у Новалиса – афоризм, которым не случайно, конечно, открывается „Цветочная пыль“ („Blütenstaub“, 1798), небольшое собрание фрагментов, одно из двух, опубликованных самим автором (все прочие, вполне бесчисленные фрагменты были изданы, как известно, уже после его смерти). „Мы ищем повсюду безусловное, а находим (всегда) только вещи.“ Перевод совершенно верен, буквально точен – и бесконечно далек от оригинала. Эта простая мысль, просто выраженная, теряет, по-русски, свое острие, свою внутреннюю перспективу и как бы глубинное свое измерение. Но самая невозможность (адекватного) перевода этой простой фразы с немецкого на русский предоставляет нам некую возможность; попробуем ею воспользоваться.

„Wir suchen überall das Unbedingte und finden immer nur Dinge.“ В сущности, это игра слов (по-русски, в том-то и дело, не передаваемая). Das Unbedingte (безусловное) и Dinge (вещи), этимологически связанные друг с другом, образуют пару очевидных противоположностей. В самом деле, Ding (вещь) ясно слышится в das Unbedingte (безусловное), причем приставка Un- (без-) делает второе как бы отрицанием первого. Острие и перспектива, собственно – афористичность афоризма, и заключаются, конечно, в этом созвучии, в этой самим языком подсказываемой оппозиции. Мы ищем das Unbedingte, мы находим, увы, только Dinge. Мы ищем безусловное, мы находим... Соответствующая игра слов, решительным и характернейшим образом изменяющая, однако, смысл всего высказывания, звучала бы по-русски так: „Мы ищем повсюду безусловное, а находим (всегда) только слова.“

Слова и вещи, следовательно... Безусловное, в немецком, как противоположность вещам, безусловное, в русском, как отрицание слов... Какие выводы сделаем мы из этого? Прежде чем делать выводы, посмотрим, каким образом das Unbedingte (безусловное)

вообще ухитрилось произойти от Ding (вещь). Что оно происходит от das Bedingte (условное, обусловленное), восходящего, в свою очередь, к прилагательному bedingt (условный, относительный), а от него к глаголу bedingen (обуславливать, делать возможным, быть предпосылкой), к каковому восходит, разумеется, и существительное Bedingung (условие), ясно само собой и трудностей не представляет. Но каким образом (еще раз) все это произошло от Ding (вещь)? Ding (или Thing) называлось у древних германцев их народное собрание, суд, если угодно: вече, „тинг“, короче, на котором обсуждали они свои древнегерманские дела. Изменяясь с течением времени, Ding (Thing) стало означать то, что обсуждалось на этом собрании, предмет обсуждения (переговоров, судебного разбирательства...), дело в юридическом смысле. Отсюда, как легко видеть, было уже недалеко до вообще всякого дела, предмета, вещи. (Сходно, кстати, происхождение французского chose, „вещь“, от латинского causa, „судебное дело“, вообще „дело“, „причина“). Однако не только Ding в значении „вещь“ произошло от Ding (Thing) в значении „собрание; предмет обсуждения“, но и глагол bedingen (первоначально просто dīngen) с исконным значением „обсуждать, вести переговоры о чем-то, договариваться, улаживать в чем-то“, постепенно расширившись до „обуславливать, быть условием, причиной чего-либо“. А от него пошло уже и все остальное, и прилагательное bedingt, и существительное Bedingung. Само же слово Ding (Thing), как, к немалому нашему изумлению, выяснили мы с помощью этимологического словаря, происходит от корня ten, до сих пор отзывающегося в немецком глаголе dehnen, „тянуть, растягивать“, и родственного латинскому tempus, „время“. Thing, произойдя от ten, и означало, уже в самой глубокой глубине веков, то, что растягивается, длится, тянется, то есть – время, промежуток времени. На этом не успокоившись, стало означать оно момент времени, дату и срок, время, назначенное для собрания, суда и веча. Затем уже само вече, само собрание, сам суд. Нет, может быть, на всем белом свете, ничего увлекательнее этимологии.

Таким образом, вещь (Ding) в немецком как бы условна, связана с условиями, переговорами, договорами, приговорами, судами, суждениями, обсуждениями..., связана, больше того и по самому происхождению своему, с временем, с „преходящим“..., и во всяком случае, противоположна безусловному. Наоборот: безусловное противоположно вещам, следовательно – невещественно, и, по крайней мере в самом языке, не противоположно словам (Worte). Не так, разумеется, в русском. Слова, не вещи, противоположны безусловному. Безусловное - по ту сторону слов, и мысль изреченная

есть ложь... Значит ли это, что русские вещи, вообще и всегда, безусловны? Не значит. Решимся ли мы утверждать, например, что русскому – сознанию? мироощущению? – более, чем немецкому, свойственно то, описанное и, можно сказать, воспетое (немцем) Шопенгауэром, эстетически-созерцательное отношение к вещам, которому они (вещи) открываются в безмолвной их – безусловности? Нет, не решимся. Предпочтительнее кажется нам другой ход мысли.

Этимология русского слова „вещь“ не ясна, и мы ее оставим в покое. Но ясно, во всяком случае, что вещь ассоциируется у нас с веществом, к вещи и восходящим; вещество же есть нечто изначально-стихийное, исконно-элементарное, как-то связанное с самими основами бытия. Даль хоть и определяет вещество (материю) как противоположность существу (духу), а все-таки вещество, уже по самому своему звучанию, ближе к существу, чем просто материя. Вещественное – существенно... И все-таки – выводы? Какие выводы сделаем мы из всего этого и будем ли вообще делать какие-нибудь? С выводами, как известно, торопиться не следует. Не следует и преувеличивать значение этимологии. Противоположность безусловному не помешала, в конце концов, немецкому Ding превратиться у Канта в Ding-an-sich (вещь-в-себе), в (очевидно безусловную, хотя и непостижимую) сущность, противоположную (множеством всяких условий, пространством, в частности, и временем, например, обусловленному) явлению. Мы не настаиваем, таким образом, ни на выводах, ни даже на предпосылках. Ниже- и вышесказанное ни на какую окончательность не претендует и уж к – безусловности, во всяком случае, не стремится. Но не преувеличивая значение этимологии, не следует и преуменьшать его. Язык сказывается в том, что мы говорим (вот пример тавтологии); слова и понятия существуют в нем (как известно, опять-таки) не сами по себе, но вместе со своими возможными связями, ассоциациями, оппозициями, очевидным образом влияющими если не на „содержание“, то по крайней мере на оттенки самих наших мыслей, на подразумеваемое в них.

Потому еще раз: слова в немецком безусловному не противоположны, противоположны безусловному – вещи. Не отсюда ли (нет! не отсюда) – но не предрасполагает ли все это, говоря вообще, к «идеализму»? Wir suchen überall das Unbedingte und finden immer nur Dinge... Мы ищем повсюду das Unbedingte; в вещах (Dinge) мы не найдем его. И если не найдем в вещах, то не найдем ли – в словах? В словах и мыслях, сочетаниях слов и мыслительных построениях, в идеях и идеалах, в идеальных

конструкциях? Наоборот: не подсказывает ли нам русский язык сомнение в такой возможности? Мы ищем безусловное; мы тоже ищем его повсюду; мы знаем, во всяком случае, что в словах его не найти. Скорее уж найдется оно в вещах, в исконно-вещественном, изначально-существенном, в той пропасти стихийно-элементарного, в которую Россия и бросается с поражающим непредвзятого наблюдателя постоянством.

«Вопросы философии», 2000, № 2

Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры - Русское издание

№ 2, 2004 - <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss2.html>